

**СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
И КЛАССА ФЕОДАЛОВ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА IX – НАЧАЛО XI ВЕКА)**

А. Г. Глебов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 января 2010 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию завершающего этапа процесса феодализации Англии в англосаксонский период. На основе анализа королевского законодательства, данных земельных грамот и иных источников автор рассматривает формирование крупного феодального землевладения и становление социально-господствующего слоя феодалов.*

Ключевые слова: *раннесредневековая Англия, феодализация, бокленд, земельная знать, королевская власть.*

Abstract: *the article investigates the final phase of England's feudalization in the Anglo-Saxon period. Analyzing royal legislation, land charter's and other primary sources' data, the author examines the process of the big landownership formation and the ruling feudal strata's development.*

Key words: *early medieval England, feudalization, bocland, land aristocracy, kingship.*

Грань IX–X столетий оказалась переломным моментом не только в политическом и духовном, но и в социально-экономическом развитии англосаксонского общества. В период правления Альфреда Великого (871–899 гг.) и его ближайших преемников эволюция их общественных отношений претерпевает решающие изменения, главный смысл которых состоял в ускорении процессов феодализации. В основе этого ускорения лежали как внутренние, так и внешние факторы. Наиболее важным внутренним фактором постепенного превращения феодального уклада в ведущий были серьезные перемены в отношении англосаксов к земле, а также изменение самих форм землевладения и тех социальных структур, которые в связи с этим складывались.

Самым действенным внешним фактором оказалась скандинавская агрессия, угрожавшая англосаксонским королевствам на протяжении всего рассматриваемого времени и заставившая пойти на радикальную реорганизацию военных сил. Эта реорганизация заключалась в массовом строительстве укреплений-бургов, защищавших население от вторжений викингов, создании мощного флота и, самое главное, в постепенном переходе к тяжеловооруженному профессиональному войску. По-

пытаемся более внимательно проанализировать военные реформы Альфреда Великого в их социально-экономическом аспекте.

Начать, видимо, необходимо с записи в «Англосаксонской хронике» под 871 г., в которой речь идет о произошедших в этом году сражениях со скандинавами, поскольку она позволяет представить сущность той военной системы, которую унаследовал Альфред Великий. Упомянув о девяти битвах, которые дал король Этельред, автор «Хроники» подчеркивает, что это число не включает в себя «походы, совершенные братом короля Альфредом и [отдельными] элдорменами и королевскими тэнами» [1, р. 178].

В источнике, надо думать, подразумевается, что армия Уэссекса в то время состояла, по крайней мере, из трех частей: собственно королевского фирда, региональных ополчений во главе с элдорменами и неких воинских сил отдельных тэнов. Каждая из этих частей, судя по всему, сама по себе была «армией»; разница между ними, в конечном счете, была лишь в размерах. Англосаксонский элдормен середины IX столетия был вполне способен по своей инициативе вести боевые действия; более того, собственно, этого от него и ждали, когда дело шло о защите порученного ему региона королевства. Так, еще в 802 г., в тот самый день, когда уэссекский король Эгберт

(802–839 гг.) вступал на престол, элдормен Уилтшира по имени Веохстан «со своими людьми», сражался с напавшим на них мерсийским отрядом, во главе которого также стоял элдормен. Характерно, что описывая ход «великой битвы» под Кемпсфордом, хронист даже не упоминает королей обоих государств [1, р. 169]. Аналогично вел себя элдормен самого Альфреда, Олда. В 878 г., когда король Уэссекса скрывался от норманнов в болотах Сомерсета, он, возглавляя ополчение Девоншира, одержал победу над высадившимся на побережье десантом с 23 кораблей «данов». В сражении был убит предводитель викингов, Убба, и еще 840 человек, и захвачено знамя [1, р. 180; 2, р. 42]. Подобная самостоятельность, с военной точки зрения, особенно в условиях плохих транспортных коммуникаций той эпохи, была чрезвычайно ценна и даже необходима, но и опасна. Ведь элдормен при желании мог поднять свое ополчение не только против врагов собственного края, но и против своего господина-короля. Убедительным свидетельством, что такая возможность была вполне реализуема, является политический хаос, охвативший во второй половине VIII в. Нортумбрию, когда один за другим нортумбрийские элдормены выдвигали свои претензии на обладание ее короной [3, р. 108–112].

Воинские контингенты региональных элдорменов, в свою очередь, по-видимому, собирались из вооруженных отрядов отдельных местных тэнов. «Англосаксонская хроника», в центре внимания которой стоит деятельность уэссекских королей, только мимоходом упоминает об этих отрядах, как в случае с сообщением под 871 г. или рассказом о бунте этелинга Этельвольда против вступления на престол его двоюродного брата и наследника Альфреда Великого, Эдуарда Старшего (899–924 гг.) [1, р. 178, 190]. Лишь описание епископом Ассером фирда Девоншира в сражении при Каутисбери в 878 г. дает некоторое представление об их устройстве. Биограф Альфреда прямо указывает на то, что основу войска элдормена Одды составляли «королевские тэны со своим окружением» (*ministri regis cum suis*) [4, р. 84].

По сравнению с предыдущим периодом англосаксонской истории, на первый взгляд, сущность военной организации несколько не изменилась. Ратная сила англосаксонского короля второй половины IX столетия, как и

его предшественников в VII–VIII вв., по-прежнему носила «персональный» характер и во многом зависела от желания нобилей королевства признавать в нем своего «господина и покровителя» (*hlaford ond mundbora*) [1, р. 197, 199]. Однако, не слишком отличаясь от армий VII–VIII столетий принципами своего формирования и командования, войско рассматриваемого времени, тем не менее, претерпело серьезные изменения. Главным из них стала значительно укрепившаяся связь членов королевского фирда с землей, что, в свою очередь, определялось развитием института бокленда.

Как уже было показано [5], на протяжении второго этапа своего существования (приблизительно середина VIII – середина IX вв.) он достаточно быстро эволюционировал в одну из разновидностей условной земельной собственности. В эпоху Альфреда Великого и его ближайших преемников этот процесс значительно ускоряется, одним из наиболее важных факторов чего, несомненно, была необходимость обеспечить наличие сильного войска для отпора скандинавской экспансии. Однако гораздо важнее другое. В изучаемый период наследование пожалований в бокленд, уже фактически существовавшее в рамках «церковного права» (*jus ecclesiasticus*), получает юридическую санкцию, окончательно превращающую их в чисто светские владения.

О порядке наследования бокленда повествует титул 41 законов Альфреда (кстати, именно в этом судебнике сам термин упоминается впервые). Весь контекст статьи убеждает в том, что пожалование достаточно свободно передается по наследству. Единственное ограничение, накладываемое анализируемым титулом, состояло в том, что бокленд не мог отчуждаться за пределы рода, если он был оставлен наследнику его кровными родственниками и тем более, если существовал специальный документ (видимо, грамота), запрещавший производить такое отчуждение [6, *Aelfred, 41*]. В еще более категорической форме об этом же говорится и в завещании Альфреда Великого. Оставляя коронные земли в наследство своим сыновьям, король Уэссекса предупреждает о том, что отчуждение бокленда в пользу лиц, не входящих в состав его ближайших родственников, недопустимо. Одновременно Альфред высказывает требование, чтобы бокленд переходил только по мужской линии, ибо так поступали его дед и отец [7,

№ 553, 554]. В последнем случае речь идет о королевском бокленде, но, надо думать, появление подобных предостережений в завещании Альфреда не случайно: видимо, уэссекский король следовал уже установившейся практике.

На наш взгляд, указанные ограничения не противоречат тезису о повышении общего уровня свободы завещательного распоряжения боклендом. Стремление же королевской власти удержать земельное пожалование в пределах семьи может рассматриваться как попытка еще прочнее связать военную службу и землевладение, сделав владельцев боклендов потомственными служилыми людьми. О том, что подобная политика уэссекской династии ко времени правления Альфреда Великого начала превращаться в традицию, свидетельствуют несколько более ранние источниковые материалы, относящиеся к годам царствования его отца Этельвульфа.

Согласно «Англосаксонской хронике» и Ассеру, готовясь в 855 г. совершить паломничество в Рим, Этельвульф «пожаловал [по грамоте] десятую часть своих земель по всему своему королевству из любви к Господу и [для] собственного вечного спасения» («*Gebo-cude Aethelwulf cyning teo than dml his londes ofer eall his rice Gode to lofe ond himselfum to ecere xaelo*») [1, p. 174; 4, p. 168]. Язык их сообщений заставляет предположить, что от щедрости уэссекского короля выиграла, главным образом, церковь. Данные земельных грамот, однако, свидетельствуют, что такое предположение не вполне справедливо. В не меньшей степени от него выиграла королевские тэны, которые с этого времени рассматривали пожалование в бокленд, как свою законную плату за верность и службу. Сказанное весьма красноречиво подтверждает аутентичная грамота Этельвульфа, датированная тем же 855 г. В ней правитель Уэссекса жалуется своему тэну (*minister*) Дунну деревню и десять «запашек» (*geoces*) земли неподалеку от Рочестера, в Кенте. Мотивация же пожалования такова: «учитывая децимацию земли, которую я, дарствуя Господа, приказал осуществить [для] других моих тэнов» («*...pro decimatione agrorum quam Deo donante ceteris ministris meis facere decreui*») [7, № 486]. В другой грамоте, относящейся к тому же году, Этельвульф пожаловал землю в Кенте еще одному своему тэну (*minister*), Эалдхере, с освобождением от всех королевских служб, за ис-

ключением участия в фирде, строительства бургов и мостов [7, № 467].

Разделив десятую часть своих земель между представителями церковной и светской знати, уэссекский король, несомненно, рассчитывал не только на благоволение Господа в предстоящем нелегком путешествии, но и на лояльность аристократии в его отсутствие. Гораздо важнее, однако, другое. «Децимация» 855 г., как и предшествующие его пожалования [7, № 426, 431, 438, 439, 442, 449], говорили о стремлении Этельвульфа прочнее увязать получение бокленда и владение им с несением королевской службы в рамках так называемой «тройной повинности» (*trinoda necessitas*), т.е. участия в ополчении-фирде, а также в строительстве дорог, мостов и укреплений. Его сын Альфред Великий, безусловно, следовал установившейся традиции. Начиная с его правления, как свидетельствуют тексты грамот, *trinoda necessitas* распространяется практически на все пожалования бокленда [7, № 595, 658, 1040, а. о.]. Более того, данные грамот позволяют говорить о том, что невыполнение своих обязанностей влекло за собой изъятие бокленда у недобросовестного владельца. Так, в одной из хартий короля Эдуарда Старшего, датированной 901 г., прямо указывается, что жалуемая некоему Этельвульфу земля в размере 10 гайд некогда принадлежала элдормену Вульфхере, у которого затем была отобрана за то, что он «без разрешения покинул как своего господина, короля Альфреда, так и свой край, несмотря на клятвы, данные королю и его советникам» [7, № 595]. К концу англосаксонского периода связь землевладения на праве бокленда и службы окончательно превращается в обычную норму королевского законодательства [6, II *Eadgar*, 2; I *Aethelred*, 1, § 14; I *Cnut*, 11; II *Cnut*, 77, § 1].

Чтобы довести до логического конца начатое в предыдущей публикации [5] исследование становления и эволюции крупной земельной собственности в раннесредневековой Англии, следует обратиться к завершающему этапу его развития, который охватывает время с начала X до середины XI в. На наш взгляд, это необходимо как с точки зрения целостности и полноты понимания изучаемого явления, так и в плане возможной экстраполяции процессов более позднего времени на интересующий нас период.

Основанием выделения третьего этапа в развитии бокленда является целый ряд обстоятельств. Во-первых, в X–XI столетиях пожалование земли служилым людям становится обычной практикой. Во-вторых, более четкой становится и формула грамот. Земля дается «в вечное владение на наследственном праве». На таких условиях, например, производит пожалование земли «своему человеку» Этельвульф Эдуард Старший; на подобных же основаниях жалуют земли своим тэнам короли Этельстан, Эадред, Эдвиг и Эдгар. Текст большинства грамот фактически не содержит никаких ограничений на пользование боклендом, кроме выполнения «обычных повинностей» [7, № 595, 659, 815, 1348, 1040, 1234, а.о.].

Указанное обстоятельство, по нашему мнению, свидетельствует о том, что, начиная с X в., получатель бокленда мог не только, как раньше, воспользоваться правами податного иммунитета, но и начать со временем феодальное освоение своего владения с возможностью в перспективе непосредственно эксплуатировать местное население. В подтверждение можно сослаться на законы короля Эдгара, одна из статей которых гласит: «Если кто-либо из зависимых людей (*geneatmanna*) не дает подати своему господину (*his hlaforde gafol*) и не вносит ее в установленный срок, то господин, если он милостив, простит ему [этот проступок] и взыщет с него подать, не подвергая его наказанию; но если он неоднократно через своего служащего (*gerefa*) напоминал об [уплате] подати, а тот продолжал проявлять сопротивление, то, возможно, гнев господина возрастет до такой степени, что он не оставит ему ни владения, ни жизни» [6, *IV Eadgar, 1, § 1–2*]. Приведенный титул, бесспорно, содержит указание на некую разновидность эксплуатации зависимого населения со стороны владельца бокленда. Возникает, тем не менее, вопрос: правомерно ли при этом утверждать, что пожалование земли в бокленд имело целью превращение свободной общины в «крепостную» и перевод свободных общинников на положение феодально-зависимых крестьян, как полагал А. Я. Гуревич? [8, с. 64–65]. По нашему мнению, он делает слишком категорические выводы из содержания указанного титула. На самом деле никакой информации о «закрепощении» свободной общины ни в данном источнике, ни в грамотах не содержится. Немаловажно и то, что,

получив определенные (заметим в скобках, не вполне ясные) права по отношению к населению бокленда, его владелец, при том в земельном отношении по-прежнему оставался под контролем королевской власти. Свидетельством этого являются не только зафиксированные в сборнике Альфреда Великого ограничения на передачу бокленда по наследству, но и то, что король обладал правами своеобразного надзора даже над теми земельными пожалованиями, которые уже были произведены. Согласно законодательству Этельстана, например, господин, который не творил правосудия и поощрял своего человека, виновного в каком-либо преступлении, должен был уплатить в королевскую казну 120 шиллингов штрафа; в случае вторичного подобного проступка владелец бокленда вообще мог потерять землю [6, *II Aethelstan, 3*]. Поэтому речь, скорее, должна идти о наметившейся тенденции втягивания населения бокленда в орбиту феодальной зависимости, которая еще была достаточно далека от завершения и только начала формироваться. Тем не менее не вызывает сомнений тот факт, что с течением времени права получателей бокленда расширяются. Это, на наш взгляд, было вызвано, в первую очередь, тем, что королевская власть и в это время остро нуждалась в верности и преданности служилой знати ввиду непрекращающейся угрозы норманнских набегов. Именно поэтому, отчасти ограничивая прерогативы потенциальных феодалов, государственная власть одновременно была вынуждена идти на расширение владельческих прав военной аристократии.

Данное расширение, в частности, выразилось в появлении в X–XI вв. случаев фактической купли-продажи бокленда, почти неизвестных на более ранних этапах его развития. Так, в 926 г. король Этельстан произвел дарение 5 гайд земли тэну Эалдреду, которые тот ранее купил за 10 фунтов золота и серебра у «язычников» (имеются в виду норманны. – А. Г.) по приказу предшественника Этельстана, короля Эдуарда [7, № 659]. Если в данном случае Этельстан жалует права на уже купленную землю, то король Эдгар в 958 г. совершенно очевидно продает 6 гайд земли в местечке Стаунтон своему тэну Эльстану за «40 манкузов чистого золота», лишь прикрывая факт продажи традиционной фразеологией пожалования за верную службу [7, № 1040]. По-видимому, деньги эти требова-

лись королю в том числе и на то, чтобы при необходимости уплатить дань скандинавам. Одна из грамот, правда, относящаяся к более раннему времени (872 г.), прямо указывает на то, что епископ Вустерский Уэрферт продал за 20 манкузов золота 2 гайды земли с целью уплаты дани «варварам» [7, № 659].

По-видимому, все же полностью свободное распоряжение боклендом не стало нормой земельных отношений и в XI в., несмотря на то, что купля-продажа земли получила правовую санкцию в III законе короля Этельреда Нерешительного (978–1016 гг.) [6, III *Aethelred*, 3]. В абсолютном большинстве из исследованных нами грамот речь по-прежнему идет только о пожаловании земельных владений на условиях несения «обычных повинностей» [7, № 1096, 1232, 1234, 1289, а. о.].

Разумеется, конкретное их исполнение (за исключением, быть может, непосредственного участия в боевых действиях) ложилось на плечи населения, земли которого попадали в сферу юрисдикции владельца бокленда. Но гарантией того, что королевское пожалование останется неприкосновенным в руках его владельца, было надлежащее несение служб в пользу короля, и только в этом случае служилые люди получали право передавать бокленд по наследству. Порядок же наследования был, как уже указывалось, установлен законами Альфреда, что знаменовало собой юридическое закрепление института королевских пожалований в раннесредневековой Англии.

Именно указанные обстоятельства и следует иметь в виду, оценивая социально-экономическое значение и последствия военных новаций Альфреда Великого. В течение последних двадцати лет своего правления он не только решительным образом революционизировал военную систему англосаксов, но и дал мощный толчок серьезным изменениям в обществе. Наиболее важным для дальнейшего развития наметившихся процессов было то, что военные реформы Альфреда способствовали «оседанию» значительной части светской и церковной знати на землю и созданию частновладельческих хозяйств, появление которых, несомненно, стимулировало эволюцию англосаксонского общества в сторону феодализации. На рубеже IX–X вв. начинает формироваться английский вариант вотчины – так называемый манор.

Англосаксонское законодательство X–XI вв. создает впечатление о том, что к этому вре-

мени вотчинное хозяйство получает достаточно широкое распространение. Предполагается, во всяком случае, что страна разделена на крупные вотчины – «земли» тэнов, которые именуется «господами земли» (*landhlaford*). Судебники этого времени довольно детально описывают отношения между ними и государством, обращаясь преимущественно к этим крупным земельным собственникам. Так, король Этельстан приказывал: «Каждый обязан нести ответственность за кражи, совершенные подчиненными ему людьми. Если кто-либо имеет под своей властью столько людей, что не может за всеми ними уследить, пусть он в каждой [своей] деревне поставит управляющего, который пользуется его доверием и может отвечать за людей» [6, III *Aethelstan*, 7]. Законодательством предшественника Этельстана, Эдуарда Старшего, также предусматривается наличие у каждого землевладельца «таких людей, которые должны были бы вести [по следу вора] тех, кто хочет разыскать свою собственность...» [6, II *Eadward*, 4]. В другом сборнике Этельстана запрещается обмен скота без ведома «господина земли», или его управляющего (*gerefa*), или священника, или другого «правдивого человека»; нарушителю данного предписания грозил штраф в 30 шиллингов, а скот, о котором шла речь, переходил к господину [6, II *Aethelstan*, 10]. Данные титулы могут свидетельствовать о том, что «земли», находившиеся под контролем отдельных *landhlaford*'ов, были столь обширны, что включали в себя несколько сел, для управления которыми требовалось назначение специального господского агента в каждое из них. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что за крупными землевладельцами закрепляется право частной юрисдикции над их населением и выполнение политико-административных функций, ранее принадлежавших королевской власти, или ее уполномоченным [6, II *Aethelstan*, 1; V *Aethelstan*, 1; 1, § 1; III *Eadmund*, 1, 4, 7; I *Eadgar*, 2; 3; 7, § 1; IV *Eadgar*, 8, § 1; 11; I *Aethelred*, 1, § 7–8; 3; VIII *Aethelred*, 8]. Уже в «Правде Альфреда» фиксировалось ограничение на право изменения местожительства крестьянина-кэрла, а последующие судебники еще больше ужесточают практику переселения из одной местности в другую или смену господина; переезд из одного населенного пункта в другой был равнозначен, в глазах законодателя, переезду с территории одного

господина на территорию другого [6, *Aelfred*, 37; 37, § 1; *II Eadward*, 7]. Вообще, юридические памятники считают, что уже в X в. люди, не имеющие господ, составляют явное меньшинство. Так, один из сборников Этельстана прямо приписывает каждому человеку иметь «покровителя»; тот же, кто такого покровителя не имеет, рассматривается как возможный нарушитель порядка – его можно даже убить, «как вора» [6, *II Aethelstan*, 2; 2, § 1].

Рисуемая юридическими памятниками X–XI столетий картина заставляет думать, что Англия этого времени уже была сплошь покрыта феодальными манорами, а крупные землевладельцы полностью подчинили себе ее свободное крестьянское население. Исходя из нескольких соображений, на наш взгляд, эта картина нуждается в существенной корректировке. Во-первых, следует иметь в виду специфический характер тех источников, на основе которых она складывается. Королевское законодательство, естественно, обращало самое пристальное внимание на те вопросы социально-политических отношений, которые были связаны с ростом нового общественного уклада и в разрешении которых в наибольшей степени были заинтересованы крупные землевладельцы. Можно, в связи с этим, по крайней мере, предположить, что в поле зрения законодателя попадали именно те слои населения, которые уже были втянуты или втягивались в те или иные формы зависимости; об остальных, в первую очередь, свободных стратах англосаксонского общества наши источники просто умалчивают. Во-вторых, законы ничего не говорят о хозяйственно-экономических связях, возникавших между крупными землевладельцами и подвластным им в политико-административном смысле населением; сущность возникавших на основе этих связей социальных отношений остается не вполне ясной и допускает различные интерпретации. Наконец, исследуемые юридические источники, взятые сами по себе, не дают возможности представить процесс формирования всего манориального комплекса как совокупности целого набора экономических, политико-юридических и личных прав крупных землевладельцев над населением своих «земель».

Поэтому, по нашему мнению, необходимо привлечь к сопоставительному анализу те реальные изменения, которые происходили в

положении господствующего социального слоя изучаемой эпохи.

Не подлежит сомнению, что, в действительности, процесс возникновения слоя феодалов в англосаксонском обществе был достаточно длителен и прошел ряд этапов. Поначалу в формировании раннефеодальной знати важнейшую роль сыграли традиционные для германцев отношения личной службы и подчиненности своему военному предводителю-королю, которые на первых порах, по всей вероятности, не были непосредственно связаны с земельными пожалованиями, хотя и не исключали их. Лишь с середины IX в., с развитием института бокленда, взаимосвязь между службой королю и наличием земельного владения становится более отчетливой. Свидетельством этого являются серьезные изменения в терминологии, обозначавшей представителей господствующих страт англосаксонского социума, которые происходят во времена Альфреда Великого и его потомков. Вплоть до второй половины IX столетия кроме дружинников-землевладельцев, которые по размеру своего вергельда назывались *twelfhynde*, существовала еще одна прослойка населения, занимавшая промежуточное положение между рядовыми свободными (кэрлами) и людьми с вергельдом в 1200 шиллингов. Эта группа имела вергельд в 600 шиллингов и называлась *siexhynde*. Именно эти две категории служилой знати упомянуты и в законах Альфреда [6, *Aelfred*, 39, § 2].

В памятниках англосаксонского права *twelfhynde* и *siexhynde* впервые упомянуты еще в титуле 70 законов уэссекского короля Инэ (688–725 гг.), но на его основании нам сложно установить связь между ними и «гезитами-землевладельцами» (*gesithcund mon landagenda*) и «безземельными гезитами» (*gesithcund mon unlandagende*), существование которых зафиксировано титулом 51 того же сборника. Если же провести сравнение титула 45 законов Инэ с титулом 40 законов Альфреда, то можно предположить, что человек с вергельдом в 1200 шиллингов соответствует гезиту-землевладельцу, а человек с вергельдом в 600 шиллингов – безземельному гезиту, не упомянутому в титуле 45 законов Инэ. Подтверждением этого является предусмотренное кодексом Альфреда удвоение штрафа за вторжение в жилище человека из первой категории по сравнению с человеком из второй категории, что соответствует тако-

му же удвоению, которое дается в титуле 51 законов Инэ гезитам-землевладельцам [6, *Ine*, 45; 51; 70; *Aelfred*, 40].

Таким образом, безземельные гезиты к концу IX в. стали, очевидно, именоваться людьми с вергельдом в 600 шиллингов. Однако процесс упрочения связи социального статуса с наличием землевладения за службу на этом не завершился. Только получив землю, *siexhynde* могли претендовать на вергельд в 1200 шиллингов. Если же они необходимого земельного ценза не имели, то оставались, как дружинники, «безземельными». Именно этим, видимо, объясняется то обстоятельство, что по мере «оседания» светской знати на землю категория *siexhynde* постепенно исчезает из поля зрения источников. Не позднее середины X в. свободное население Англии начинает четко делиться на две юридические группы: *twelfhynde* и *twihynde* [6, *Aethelstan*, 8, § 2; *II Edmund*, 1; *Wer*, 1, § 1], что отражает идущее размежевание общества на феодализирующуюся аристократию и не попавших в ее состав простолюдинов. На первый взгляд, этому утверждению противоречат данные так называемых «Законов Генриха I», компиляции англосаксонского права, составленной в начале XII в., в которой дважды упоминаются люди категории *siexhynde* [9, 82, § 8; 87, § 4]. Однако, на наш взгляд, эти упоминания следует рассматривать как позднейшую дословную передачу более архаических выражений подлинника, уже утерявших свой действительный смысл [Ср. : 6, *Aelfred*, 18, § 1; 29], тем более, что в тех же «Законах Генриха» прямо указано, что законодателю известны только две категории населения – с вергельдом в 1200 и 200 шиллингов [9, 76, § 4–4a].

Можно также уверенно предположить, что к рубежу IX–X вв. исчезает и противопоставление между гезитами-землевладельцами и тэнами, характерное для предшествующего периода. По крайней мере в сборнике Альфреда жизнь как гезитов-землевладельцев, так и тэнов, оценивалась в 1200 шиллингов [6, *Aelfred*, 39, § 2], что говорит о постепенной правовой идентификации этих прослоек феодализирующейся знати. В дальнейшем эта идентификация становится общим местом. Например, в постановлениях короля Кнута, относящихся к первой четверти XI столетия, термины *thegn* и *twelfhynde* являются взаимозаменяемыми. Так, в титуле 31 сборника

Кнута выражение «*gif he sie twelfhynde*», употребленное в кодексе Альфреда Великого, заменено на «*id est thegen*», а в статье 39 прямо говорится: «...*quem supra thegen nominavimus et quem quidam dicunt twelfhende...*» [6, *I Cnut*, 31; 39]. Одновременно теряет свое прежнее значение «знатный в силу происхождения от знатных» и термин «эрл» (*eorl*, *eorlcund*, *ealdormann*, *comes*). Его употребление все больше начинает включать в себя все перечисленные выше категории аристократии: в кодексе Альфреда, например, все градации свободного населения сведены всего в две группы, именующиеся «кэрлы и эрлы» (*ge ceorl ge eorl*) [6, *Aelfred*, 4, § 2], а в грамотах этого времени одно и то же лицо может называться то эрлом (*comes*, *patricius*), то тэном (*miles*, *minister*) [7, № 536, 550, 564].

Следует заметить, что к концу IX в. резко ограничиваются и возможности пополнить ряды появляющихся феодалов, в принципе существовавшие для рядовых свободных и даже зависимых людей в предшествующий период. Так, в законах Инэ упомянуто о том, что королевским дружинником мог стать генит (*geneat*), человек из категории зависимых людей, который в случае исполнения королевской конной службы получал право на 1200-шиллинговый вергельд [6, *Ine*, 19; 22]. В состав служилой знати мог войти и кэрл, для которого земельный ценз, правда, равнялся не 3, а 5 гайдам, а также купец, «трижды плававший за море» [6, *Northleoda laga*, 9; *Be werum*, 2; *Gethyncto*, 2]. С течением времени, однако, все большее значение для приобщения к слою служилых людей приобретает не служба в войске сама по себе, и даже не должность, занимаемая на этой службе, а размер земельного пожалования, на этой службе полученного. Если рядовой свободный являлся в ополчение в полном вооружении за свой счет, но не имел необходимого земельного ценза в 5 гайд, полученного от короля, он не получал повышенного до 1200 шиллингов вергельда [6, *Northleoda laga*, 10]. Более того, только если потомки кэрла в течение трех поколений исполняли королевскую службу, имея одновременно 5 гайд земли, они могли рассчитывать на вергельд служилой знати; если же кто-либо из представителей этих трех поколений в силу тех или иных обстоятельств терял землю, он навечно лишался вергельда дружинника и снова получал виру рядового свободного, а его потомкам

путь в ее состав закрывался навсегда [6, *Northleoda laga*, 11–12].

Таким образом, начиная с рубежа IX–X столетий более высокий общественный статус начинает прямо зависеть от обладания пожалованной королем за службу землей, и, вероятно, вообще от уровня материальной обеспеченности. С этого момента положение человека в обществе определяется не столько его происхождением, сколько характером его службы и, особенно, наличием земельного владения. Соответственно с этим имевшаяся внутренняя дифференциация сословия министриалитета постепенно нивелируется, о чем свидетельствует исчезновение прежних терминов для обозначения его различных градаций и объединение одним-двумя понятиями большинства служилых людей. Одновременно резко сокращаются возможности социальной мобильности: состав новой, феодализирующейся, аристократии, как правило, пополняется выходцами из ее собственной среды, а не потомками рядовых кэрлов или даже несвободных, как это имело место раньше.

О том, что господствующий слой англосаксонских королевств в течение рассматриваемого времени превращается в феодалов, свидетельствует и постепенное изменение характера прав владельцев боклендов над сидящим на их земле населением. На первый взгляд, подобное утверждение находится в некотором противоречии с данными сохранившихся грамот. Многочисленные примеры, относящиеся не только к VII–VIII, но и к IX–X столетиям, указывают на то, что, передавая землю, королевская власть передавала получателю бокленда отнюдь не права сбора феодальной ренты в полном смысле слова, а лишь государственных налогов и судебных штрафов. С этой точки зрения, пожалование земли в «вечную наследственную и полную собственность» (*in perpetuum jus largitum sum*), о чем говорят формулы большинства дипломов, представляло собой освобождение ее от уплаты королевских податей и передачу их получателю пожалования. Так, в 778 г. монастырь в Вустере получил от короля Мерсии Оффы (757–796 гг.) право на сбор всех налогов, причитавшихся с земли размером 10 гайд в Глостершире; грамота, оформлявшая это пожалование, гласила: «Пусть будет эта земля свободна от всяческого вмешательства королей, элдорменов и их подчиненных» («*Soluta sit ab omni vi regum et principum et sub-*

titorum ipsorum») [7, № 231]. Иными словами, власть, которой повелитель Мерсии обладал по отношению к данной территории и ее населению, передавалась аббатству. Характер этой власти раскрывается при знакомстве с другой грамотой конца VIII в., в которой речь идет об освобождении земли «от всех государственных налогов, малых или больших» («... *ab omni tributo parvo vel maiore publicalium rerum...*») [7, № 240]. Аналогичные клаузулы мы встречаем и в королевских дипломах рассматриваемого времени. К примеру, в грамоте, выданной королем Альфредом Великим основанному им монастырю Этелни в Сомерсете, говорится, что земля, на которой находилось аббатство, была освобождена от всех королевских поборов, от исполнения всяческих служб и от взимания штрафов с населения, на ней проживающего (за исключением «тройной повинности») [7, № 545]. Даже в середине X столетия по букве формулы грамоты характер королевских пожалований предполагал, что адресат получает права на подати и другие платежи, которые до осуществления пожалования поступали в казну. Весьма характерной в этом смысле является грамота, оформлявшая передачу королем Эадвигом (955–959 гг.) 15 гайд в селении Миддлтон, Беркшир, некоему Элфвину. Сначала в этом документе, как и обычно, указывается на пожалование земли в наследственную собственность («...*in hereditatem concedo perennem cum omnibus ad se pertinentibus possidendam et tradendam quandoque cuicumque uoluerit heredi*»), а затем сказано: «Совершено это освобождение земли от уплаты королю всяческих податей (курсив наш. – А. Г.) за исключением участия в фирде и строительстве мостов и бургов, в 956 г.» («*Acta est autem haec solutio agri ab omni censu regali libera excepta expeditione pontis arcisque constructione anno dcccclvi...*») [7, № 935].

Казалось бы, положение получателя грамоты по сравнению с предшествующим периодом несколько не изменилось: по-прежнему имея формально ничем не ограниченное право собственности на земли бокленда, его владелец, тем не менее, получал лишь возможность распоряжения теми доходами, которые ранее следовали короне. Однако, на самом деле, пожалования конца IX–X вв. не ограничивались только сменой получателя податей и штрафов. Если государственную подать насе-

ление бокленда платило от случая к случаю, обычно тогда, когда король посещал данную местность, то его новый владелец мог предъявить постоянные и значительно более высокие требования на ее сдачу, что сразу же увеличивало тяжесть обложения. В целом пожалования открывали перед эвентуальным феодалом возможность самого широкого вмешательства в жизнь свободной деревни и по мере укрепления судебно-административной власти владельца бокленда над нею потенциально ставило крестьян-кэрлов в поземельную зависимость. Более того, материалы некоторых грамот позволяют говорить о том, что иногда королевское пожалование задним числом санкционировало уже произведенный крупным землевладельцем захват земель кэрлов [7, № 475, 476, 921, 922].

Немаловажно было и то, что, вторгаясь в свободную деревню, владелец бокленда получал возможность присвоить себе общинные земли, что, в свою очередь, становилось важным фактором дальнейшего социально-экономического подчинения ему кэрлов, которые не могли вести хозяйство без пользования пастбищами, лесами и другими угодьями. О том, что такое присвоение действительно имело место, свидетельствуют данные многих документов интересующего нас времени. Указания на то, что короли жаловали права на общинные земли, начиная с середины IX в., встречаются в грамотах неоднократно. В дипломе короля Этельвульфа, который датируется 841 г., церкви Крайст-Черч в Кентербери прямо жаловались общинными пастбищами и лесами, причем признавалось, что этими угодьями уже обладали «другие люди» (*alii homines*), по-видимому, жители местной общины [7, № 407]. В пожаловании от 869/870 гг. его сына, короля Этельреда, в пользу элдормена Эльфстана наряду с пахотной землей упоминается и альменда (*mearcland*), на которую получатель также приобретал права [7, № 526]. В 889 г. Уэрферт, епископ Вустерский, передал своей родственнице Кинесвите землю в Алмингтоне, Уилтшир. Пожалование, засвидетельствованное королем Альфредом Великим, включало не только 5 гайд пахоты, но и доходы с леса, которым пользовались кэрлы, жившие в этом населенном пункте. Помимо этого, епископ передал Кинесвите в «пользование» (*to sundran*) еще один лесок, принадлежавший ранее кэрлам (*ceorla graf*) Алмингтона [7, № 560]. Таким

образом, Уэрферт осуществил прямую узурпацию части общинных угодий, которая была санкционирована королевской властью.

Из грамот становится также ясно, что пожалованные в бокленд земли чаще всего были расположены чересполосно в общих полях, вследствие чего невозможно было точно очертить границы передаваемой территории [7, № 1079]. В результате в деревне появлялись обособленные участки, выделенные из общего севооборота. К примеру, в одной из грамот короля Эдгара, относящейся к 972 г., содержится указание на «обособленную землю» (*syndries landes*) в селении, в котором основная часть пашни располагалась чересполосно и имела «общую границу» (*getaenre mearce*) [7, № 1145].

Подобного рода свидетельства говорят о том, что со второй половины IX столетия крупные землевладельцы начинают активно проникать в общину, делаются соседями кэрлов и приобретают в связи с этим дополнительный потенциал для феодального освоения своих боклендов. Присвоение части пустующей земли и общих угодий, а также прямой захват земли кэрлов в перспективе велик к образованию барской запашки и появлению элементов отработочной ренты. Следует заметить, что уже в конце VII столетия в Уэссексе, по крайней мере, имела место некая разновидность продуктовой аренды, которая, однако, могла дополняться отработочными повинностями, а потому ставила свободного кэрла в зависимость от господина земли [6, *Ine*, 67]. Тем не менее вплоть до интересующего нас периода отработки не получили сколько-нибудь широкого распространения: практически ни в одной из изученных нами королевских грамот VII – середины IX в., оформлявших пожалования в бокленд, речи о передаче права барщинной эксплуатации кэрлов не идет. Единственная грамота, содержащая косвенное указание на возможность существования отработочной ренты еще до осуществления пожалования, была выпущена Альфредом Великим в 871–877 гг. в пользу монастыря в Шафтсбери. Сто гайд земли были переданы аббатству «со всем, что они дают, и с людьми...» (*mid mete and mid manne*) [7, № 531]. Лишь сопоставление данных королевских дипломов со свидетельствами частных актов (завещание, дарение, обмен и другого рода отчуждение земли) позволяет говорить о начавшемся внедрении отработочной ренты. В

некоторых из этих документов упоминается о передаче земли с «податью и службою» (*cum firma et servitio*), или «с тем, что они дают, и с людьми» (*mid mete and mid mannan – cum victu et hominibus*) [7, № 529, 530, 539, 585, 688], что дает основание предполагать наличие не только продуктовой ренты (*firma*), но и барщины (*servitium*).

Таким образом, к концу изучаемого периода значительная часть некогда свободных и полноправных общинников-кэрлов втягивается в орбиту феодальной эксплуатации. На другом социальном полюсе постепенно формируется господствующий слой феодалов, основу которого наряду с королем и членами королевского рода составили представители бывшей родовой аристократии, увеличивавшаяся в численности и значении служилая знать, а также верхушка духовенства. Королевские пожалования в бокленд, покупка земли, захват общинных угодий и насильственное подчинение непосредственных производителей делают их к началу XI в. крупными земельными собственниками, владеющими зачастую сотнями гайд земли, разбросанных на большой территории.

Воронежский государственный университет

Глебов А. Г., доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Тел.: 24-75-14

ЛИТЕРАТУРА

1. The Anglo-Saxon Chronicle // English historical documents / ed. by D. Whitelock. – L., 1955. – Vol. 1. – P. 500–1042.
2. The chronicle of Aethelweard / ed. by A. Campbell. – L., 1962.
3. Simeon of Durham. A history of the kings of England / transl. by J. Stevenson. – Dyfed, 1987.
4. Alfred the Great: Asser's «Life of king Alfred» and other contemporary sources. – Harmondsworth, 1983.
5. Глебов А. Г. Институт бокленда в Англии в ранний англосаксонский период (VII–IX вв.) / А. Г. Глебов // Ист. зап. : науч. труды ист. фак. – Воронеж, 2005. – Вып. 11. – С. 43–61.
6. Die Gesetze der Angelsachsen / hrsg. F. Liebermann. – Halle, 1903. – Bd 1.
7. Cartularium Saxonicum: a collection of charters relating to Anglo-Saxon history / ed. by W. de Birch. – L., 1885. – Vol. 1.
8. Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства / А. Я. Гуревич // Средние века. – М., 1953. – Вып. 4. – С. 49–79.
9. Leges Henrici Primi / ed. and transl. by L. J. Downer. – Oxford, 1972.

Voronezh State University

Glebov A. G., Doctor of the Historical Science, Professor of the Middle Ages and Foreign Slavic Nations Department

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Tel.: 24-75-14